

МНОГОЗНАЧНЫЙ ОБЛИК СЧАСТЬЯ (или КАК ВЫГЛЯДИТ СЧАСТЬЕ?)

Лексика богата словами, обозначающими нечто похожее на счастье. Например, «удовольствие». Удовольствие – часть счастья, его составляющая, одно из слагаемых счастья, основанное на приятных ощущениях. В автономном, самостоятельном виде – еще не счастье, но преддверие, «порог» счастья. Мы получаем удовольствие, когда проводим рукой по мягкому меху, когда учуяли запах праздничного пирога, когда вошли в прохладную воду жарким летом, когда подул нежный ветерок или когда мы расположились на мягком сидении красивого автомобиля. «Наслаждение» отражает высокую степень удовольствия, еще более явно указывает на канал сенсорного восприятия объекта, доставившего нам высокие ощущения.

Есть еще «радость», «восторг», «нега», «блаженство», «эйфория», «довольство», «приятствие», «удовлетворение»... Остановимся на последнем.

Удовлетворение – соотнесение представления желаемого с реально обретаемым и проживание довольства по поводу совпадения ожидаемого образа того и другого. Так, швея разглядывает сшитое платье удовлетворенно, если замысел удался; с удовлетворением глядит на решенную задачу ученик; удовлетворение выражает пешеход, добравшийся до цели своего движения по многолюдным улицам – он заявляет: «Какое счастье, что я пришел, наконец». Конечно, он ошибся в лексическом отборе. То, что он переживает, а вернее, чувствует, а еще точнее, ощущает, похоже на счастье, но это не есть счастье.

Удовлетворенность жизнью – процесс общего, охватывающего всю личностную систему состояния проживания значимости мира либо жизни как таковой. И в качестве процесса удовлетворенность имеет свою длительность, пространство, направленность и содержание.

Счастье непропорционально количеству полученных удовольствий: кошка тоже мурлычет от удовольствия, но счастья она не проживает.

Когда садовник склоняется над проклюнувшимся ростком, он испытывает удовольствие (ему приятно его видеть), удовлетворенность (появлению ростка предшествовал долгий процесс ухода за ним) и удовлетворение своей жизнью, наполненной творческим трудом по возвращению красоты (он оценивает плоды своего труда и себя как создателя жизни). Смещение понятий происходит потому, что внешние показатели переживаемых чувств одинаковы, их легко спутать, одно принять за другое. Сам субъект тоже не всегда отдает себе отчет, какова природа его состояния. А такой тонкий показатель, как «счастье проживается», а другая палитра положительных состояний «переживается», – слишком сложен.

Философский анализ обнаруживает нечто единое в проживании счастья всеми людьми на земле, несмотря на кажущееся разнообразие «личного счастья». *Критерием оценки счастья, то есть меркой, на основании которой производится характеристика проживаемого состояния как счастливого состояния, является удовлетворенность Жизнью.* Степень удовлетворенности, разумеется, различна, но само наличие такого состояния, как удовлетворенность, свидетельствует о проживании счастливого состояния.

Будучи содержанием счастья, удовлетворенность имеет свои внешние характеристики, по которым мы безошибочно, как правило, узнаем момент счастья. Эмоциональная возбужденность положительного знака всегда сопутствует проживанию счастья, однако такая характеристика слишком обща, ее явно недостаточно, необходимы более конкретные черты-показатели для распознавания объекта.

Показатели счастья – те внешние проявления, знаки, по которым можно судить о состоянии. Проживание состояния счастья демонстрируется человеком вербально и невербально. Вербальные показатели складываются из сочетания лексики, интонации, мелодики голоса, стилистики. В лексике присутствуют междометия (ох, ух, ах и др.), восклицательные предложения, передающие эмоциональную насыщенность проживаемого состояния. Речь мелодична, благозвучна и приятна для слуха окружающих. В то же время, речь счастливого человека достаточно ритмична, к чему побуждает его возбуждение от счастья. Счастливый человек интонационно выражает свое отношение к проживаемому им состоя-

нию: повышает или понижает тон своего голоса, делает определенные акценты. Мелодика речи счастливого человека мажорна, ритмична, игрива, нежна, переливчата. Счастливый «поет» о своем счастье. Но как только вектор счастья меняет свое направление, т.е. переходит в состояние несчастья, то и все показатели меняются на противоположные. Минор, сбивчивый ритм, слабые темпы речи, тусклые краски лексики, унылая монотонность, низкая стилистика – вот такие черты окрашивают речь несчастливому.

Невербальные показатели создаются позой, пластикой, мимикой, жестами, темпо-ритмом движений. Принято считать, что они богаче и разнообразней вербальных показателей. К тому же, они более достоверны, так как менее контролируемы сознанием и свободнее в своем выражении. «Сияющие глаза», «легкая походка», «свободная осанка», «торжествующий вид», «грациозность движений», «лучезарность» – это все характеристики портрета счастливого состояния.

Психологи утверждают, что за счет невербальных средств передается большее количество тонкой коммуникативно-значимой информации в процессе взаимодействия людей. Мимика отражает состояние путем движения лицевых мышц, пластика – средствами позы, жестов, осанки, телодвижения, костюм подчеркивает выраженное невербально состояние атрибутами одежды, прически, макияжа. Мимика счастливого человека выражает чувства радости, восторга, упоения и его мысли, т.е. отношение к происходящему и оценку, движением лицевых мышц (лицо открыто, улыбка, блеск глаз и др.). Она наполнена положительными чувствами, эмоциями, мыслями и побуждениями.

Легкая, свободная, оживленная, выразительная пластика также сообщает о состоянии проживания счастья. Поза счастливого выражает гордость, уверенность и свободу. Положение тела прямое, плечи расправлены, голова высоко поднята, осанка прямая и легкая, жесты немного возбужденные (что связано с эмоциональным переживанием) и ритмичные, а телодвижения стремительные, как бы «летающие». Пластикой счастливый человек сообщает свою расположенность к окружающим, готовность к общению и взаимодействию.

Посредством невербальных показателей он невольно информирует о состоянии проживания счастья: «я спокоен, уверен в

себе, я знаю, чего хочу, я люблю эту жизнь, этот мир как место проживания моего счастья и желаю счастья окружающим». Лексический набор человека в этот момент позитивен, он избегает грубых слов, склонен к употреблению эвфемизмов.

Внешний вид несет в себе информацию о состоянии человека: одежда аккуратна и красива, волосы причесаны, лицо ухожено. Счастливый человек заботится о своей внешности и украшает себя, хотя при этом часто присутствует именно элемент свободной подчеркнутой небрежности – счастливому как будто бы не до одежды – при его увлечении жизнью он не удосуживается заботой о своем внешнем оформлении.

Заметим попутно в скобках: неряшливые одежды сегодняшнего школьника должны педагогов беспокоить не столько потому, что нарушаются нормы аккуратности, а потому, что невымытое тряпье вместо красивого платья свидетельствует о неблагоприятном душевном состоянии, в частности, об отсутствии счастья у носителей лохмотьев.

Как правило, в соединении и взаимном дополнении находятся все показатели проживаемого состояния: улыбаясь, человек общается, что счастлив; плача, выражает свое несчастье; легко и быстро бежит навстречу будущему счастью, распевая песни; смеется и плачет одновременно, произнося благодарственную речь; обнимает ребенка и бормочет какие-то бессмысленные слова.

Иногда вербальные и невербальные показатели складываются в причудливые и индивидуально-неповторимые композиции. Например, проживание счастья мальчиком Дениской Кораблевым:

*«Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как за-
пою:*

Высоко в небе ясном

Вьется алый стяг.

Мне нравится эта песня. Так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьется алый стяг. Тут я зажмурился от восторга и закричал, что было сил:

Мы мчимся на конях туда,

Где виден враг!

И в битве упоительной...

Я нажал себе на живот, вышло еще громче, и я чуть не лопнул:

Мы врезались в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный, и у меня дрожали колени...»¹

Рассмотренное множество не исчерпывает даже поверхностного очертания счастья как человеческого состояния, ибо за гранью привычного представления о счастье располагается внутреннее, глубоко скрытое проживание удовлетворения своей жизнью. И оно, это скрытое и глубокое, проявляет себя внешне иначе, если не сказать точнее: никак себя не проявляет особенным образом, так чтобы можно было констатировать наличие счастья. Трудность вопроса здесь в том, что и сам субъект как носитель счастья, и второй субъект как наблюдатель единодушны в своем восприятии. Они не обнаруживают счастья в каждодневных ситуациях обыденности: приготовить завтрак для семьи, помыть посуду, проводить детей в школу, пожурить их за шалости, рассердиться на жену за легкомыслие, пожаловаться на то, что дети быстро изнашивают одежду, помыть котенка и смеяться над его смешным мокрым видом, досадовать на мужа, давно не сообщающего о своей любви, просидеть полночи над отчетом... Все это кажется таким далеким от счастья. Убедиться в ошибочности мнения помогает... несчастье: стоит лишь потерять одно слагаемое своей жизни, как начинаешь понимать, что ты проживал счастье, оно сидело внутри глубоко и тихо, дожидаясь, когда наконец глупец-человек осознает, что сам процесс жизни с ее деталями и событиями составляет счастье.

Мать перебирает игрушки выросших детей, вспоминая о счастье тех лет... Муж, оставшись один в пустой квартире, мечется из угла в угол, только теперь зная, что вчера было счастье, которое они с женой разрушили сами... Педагог перед выпускным балом помнит счастье взаимодействия с детьми, которые сегодня навсегда покидают школу...

¹ Драгунский В. Слава Ивана Козловского. // Денискины рассказы.

Пенсионер, проснувшись утром, вспоминает те сладостные мгновения жизни, когда надо было торопиться на работу, где тебя ждали и где без тебя не начинался водоворот производственных операций...

Серьезное задумчивое лицо, озабоченная пластика, сердитый голос, недосыпание и забытый остывший обед на столе, даже отчаяние и волнение – все это тоже могут быть показателями счастья, проживаемого за пределами осознания момента как значимой части жизни. Назовем этот феномен «отсроченным проживанием счастья». И перестанем считать, что облик счастья подобен облику пустого гуляки, бездельника и весельчака.

При бесконечности многообразия внешних показателей счастье единообразно благодаря выделенному нами единому сущностному признаку – проживанию субъектом общего удовлетворения жизнью. И не имеет принципиального значения, проживается удовлетворение как аккордная оценка жизни в целом либо как краткий миг, вызванный каким-то отдельным обстоятельством, предметом, событием, эпизодом.

Фактором счастья мы назовем нечто потенциальное, что могло бы вызывать в ходе взаимодействия человека с миром состояние высокой удовлетворенности жизнью как таковой. Фактор счастья, существуя потенциально, еще не становится реальной движущей причиной счастья. В роли личностного побудителя счастья фактор выступает как некий агент – то конкретное, что содействует реальному счастливому состоянию «здесь и сейчас». Допустим, увидел знакомого – и вдруг ощутил такое счастье, что испугался своему состоянию: неужели так дорог мне этот человек?! Приехал к морю – понял, что жизнь прекрасна и ты счастливейший из смертных. Защитил проект или вырастил красивый цветок – хожу упоенный жизнью, которую я выстраиваю. Агентов счастья бесчисленное количество: от котенка ...до Нобелевской премии. Их ровно столько, сколько объектов мира. Факторы счастья отражают обобщение конкретной бесконечности этих агентов.

При обобщении разнообразия проживания счастья все-таки обнаруживается некое однообразие: вот «счастье бытия», а это явно «счастье бытования», тут речь идет о «счастье общения», а здесь имеем дело со «счастьем созидания», а это – «счастье преобразования». С одной стороны, правы те, кто говорит, что у каж-

дого свое счастье. С другой стороны, правомерно утверждать, что счастье вообще едино для всех людей. Ракурс и уровень абстракции определяют правильность суждений о счастье.

Единых факторов счастья – пять. Они носят общий интегральный характер, имея бесчисленное многообразие конкретных проявлений.

Первый фактор – само бытийное существование на земле («Я живу!»), острое ощущение в себе жизни и себя как живого, острые положительные переживания в связи с окружающей природой («Как прекрасно вокруг!»), острые ощущения своих физических сил («Я бегу, бегу!..»), острое проживание своей силы, ловкости, упругости, красоты тела, своей физической свободы («Я» могу!..»).

Вот примеры фрагментарных высказываний о проживании счастья данного вида:²

– Я счастлив, потому что мне нравится солнечная погода...– говорит пятиклассник.

– Я счастливый человек. У меня есть руки, ноги, глаза, уши, мои родители живы и здоровы, я сам здоров...– это говорит девятиклассник.

– Жизнь – это уже счастье... – высказывается десятиклассник.

Фактор бытия не покидает нас, пока мы живы. Можно было бы сказать, что данная разновидность счастья всегда присутствует в нас, если бы привычность окружения не снижала остроту проживания взаимодействия с миром. Мы почти не ценим счастья бытия, потому что оно прячется в самой сути жизни. Зато вдруг открываем его, когда болели и выздоравливаем, когда кто-то рядом умер и пахнуло смертью, когда слышим о гибели людей в катастрофе, когда родился ребенок. Правда, два периода жизни ввергают нас в особенное ощущение счастья бытия: детство и старость. Первое – как расцвет жизненных сил и отчетливое их прочувствование в себе; второе – как подготовка к прощанию с существованием твоего «Я» на земле.

Второй фактор – момент удовлетворения материальных потребностей организма человека («Как вкусно! Прямо блаженство!»)

² Материалы школы № 36, г.Смоленск.

или «Какое счастье – выспаться!»), ситуация органического комфорта («Просто счастье иметь отдельную комнату!»), осознание свободы от постоянных поисков средств существования («Наконец, я счастлив: не надо думать, где найти денег на хлеб!»); осознание заслуженного отдыха после рабочего дня («Наконец, можно расслабиться, какое счастье – вытянуть ноги и закрыть глаза!»).

Приведем примеры представлений о счастье такого вида, только добавим, что приходится оперировать материалами, которые доставили автору не дети, а учителя, поставленные сегодня в истинно нищенское положение:

- *Счастье – это деньги, материальное благополучие...*
- *Счастье – это когда сыт, здоров, одет и можешь трудиться...*
- *Счастье для меня означает деньги, высокая должность, хорошее материальное положение...*

Заметим, что у детей почти не встретишь такого рода оценок счастья. Никого не желая обидеть, мы бы хотели поставить рядом с выше написанным следующее высказывание ученика этих учителей: «А машины, деньги, квартиры – все второстепенное». Детство прекрасно тем, что свободно от материальных забот, ребенок принимает материальные условия как данное, и его счастье бытия никак не уничтожается низким уровнем этих условий. Поглядим на школьников во время перемены: они скачут по ступенькам лестницы, они несутся по школьному двору, они все без исключения – замечательный фонтан счастливого проживания своего существования на земле. Тусклая озабоченность материальными средствами появляется позже, чтобы к старости вновь освободить человека от цепких когтей потребительства. Дети и старики – особые представители человечества свободной духовной ипостаси.

Третий фактор – процесс общения с людьми в самых разных формах его протекания: знакомства («Я так рад видеть вас!»), приятельства («Здорово, друг! Сыграем партию в шахматы!? Счастлив с тобою сразиться»), товарищества («Какое счастье – иметь дело с вами!»), дружбы («Скучал без тебя, сейчас безмерно рад!»), любви, половой любви («Я умру без тебя!»), а также опосредованного общения, предоставляемого произведениями искусства и литературы («Слушаю Паганини!») или «Мой дорогой Пушкин, спаси-

бо тебе...»), иногда такое общение инструментуется во взаимодействии с животными («Мне купили собаку! Я счастливый, у меня теперь есть друг!»).

Проиллюстрируем детскими представлениями и эту разновидность счастья:

– *Счастье – это чувство, когда что-то происходит хорошее со мною и с другими...*

– *Я счастлив, потому что у меня есть друзья...*

– *Думаю, что счастье – это любовь...*

Фактор общения имеет приоритет в период отрочества и юности, когда осознание своего «Я» происходит лишь при условии другого «Я», рядом находящегося. Разнополовое общение особенно значимо на этом возрастном этапе, женское и мужское начало завершает свое становление, а жажда любви и проживание любви приносят высочайшего уровня положительные чувства. Хотя нельзя отрицать значение общения для счастливого проживания в детстве и старости, специфика его в сужении круга общения до общения с близкими людьми. Пример одинокой старости, которая заводит собаку или кошку, попугая или морскую свинку в доме, – яркая иллюстрация тяготения к «близкому» существу, которое рядом и которое можно любить, или которое тебя любит.

Четвертый фактор – любого характера созидательная деятельность (творчество в широком значении) человека, который благодаря своей физической либо духовной активности создал нечто, чего на земле не существовало без него до сих пор («Смотри, смотри же: я нарисовал море!» или «Я сегодня счастливый – я сделал то, что у меня раньше не получалось!»), от приготовленного обеда и до проектирования уникального моста через реку. В школьной среде такое понимание свойственно как детям и юношеству, так и учителям школы. Представим примеры:

– *Я была бы более счастлива, если бы умела оказывать влияние на воспитательный процесс, имела сильную волю и уверенность в себе...и жила бы среди трудолюбивых и порядочных людей, – так пишет учитель школы.*

– *Я счастлива, потому что у нас есть театр и мы ставим интересные спектакли... – это мнение ученицы.*

Иницилируя проживание «счастья созидания», педагог делает акценты на роли деятельности как способе человека выразить себя для других, говорит о гениальности, таланте и одаренности как высотах развитых способностей человека, о мастерстве и профессионализме, признании и непризнании другими деятельных заслуг человека, предъясвляет творчество как движение к цели, обсуждает значение радости от любимого дела и уныния от принудительной деятельности и др.

Прерогатива в особом обладании этой разновидностью счастья, несомненно, принадлежит возрасту зрелости, оснащенной знаниями, профессиональными творческими умениями, физическими и интеллектуальными силами. Как правило, молодость пробует свои силы в творчестве, старость проживает удовлетворенность уже свершенным.

Пятый фактор – самого разного порядка влияние на жизнь, усовершенствование социальной либо индивидуальной жизни, когда человек выступает конструктором судьбы, сотворцом хода социально-исторического развития или индивидуально-психологического развития личности, но также и живого существа³ («Я добился, чего хотел!» или «Я счастлив: мои дети сегодня поняли наконец, что такое причастный оборот!»). И данная разновидность не исключена из общего представления о счастье детей и педагогов:

– Счастливый человек строит жизнь сам, не зависит от злого рока судьбы... – это заявляет десятиклассник.

– Когда я вижу улучшение жизни вокруг, я счастлив...– делится мыслями учитель.

А вот рассказывает о своей работе студент Дмитрий Путинцев⁴:

³ Еще раз отсылаем читателя к автору мировой известности – ветеринарному врачу Джеймсу Хэрриоту, его блистательные рассказы об излечении животных являются ярчайшей иллюстрацией счастья «конструктора жизни».

⁴ Путинцев Дмитрий, студент психолого-педагогического факультета МПГУ им.Ленина.

– В декабре к нам поступил больной 20 лет в состоянии клинической смерти. Бригада фельдшеров была сильной и дружной. Мы оперативно начали реанимационные мероприятия. Работали 20 минут. Мы справились. Когда все закончилось благополучно, мы почувствовали усталость и состояние огромного счастья, радости, что мы продлили жизнь человеку. И у меня даже родилось желание петь... Возвращаясь домой, я снова и снова вспоминал все происшедшее и нес в себе эту радость.

Масштабы позитивного воздействия на процесс жизни (индивидуальной, групповой, социальной, семейной, производственной и т.д.), безусловно, неодинаковы. Великие люди, герои, знаменитости, государственные люди более масштабны в их влиянии на ход социальной жизни. Рядовой человек на такой масштаб не претендует. Дети, само собой разумеется, в их влиянии ограничены узким кругом людей. Но – при всем при том! – вне зависимости от возраста и социального статуса, любой человек либо поднимается на уровень счастья творческого преобразования жизни, либо пассивно принимает ее такую, каковой она дана ему социумом. Зрелость нравственная обуславливает в большей степени реальность такого восхождения, а значит, и проживание счастья преобразования жизни.

Зачастую говорят о том, что новое поколение имеет иные представления о счастье, что взрослые и дети иначе оценивают счастье жизни. Любопытно, данное положение не оспаривается, принимается большинством в качестве аксиомы. Что касается воспитания, то с горечью добавляют, что у педагогов и их воспитанников чуть ли не прямо противоположные представления о счастье, а следовательно, говорить о педагогическом содействии счастью ребенка бесполезно и бессмысленно.

Нельзя согласиться с таким расхожим мнением. Формы выражения счастья иные – это правда. Однако содержание остается неизменным, так как оно отражает основные факторы жизни, определяющие характер ее протекания. Форма конкретна и бесконечна в своем разнообразии. Содержание же абстрактно, в широком обобщении его располагается вся палитра факторов удовлетворенности жизнью.

Рассмотрим на примерах.

– *Подросток заявляет, что самокат есть для него величайшее счастье. В это же время педагог заявляет, что ему подарили счастье, когда доставили в класс новый видеомаягнитофон.*

Оба проживают счастье второй разновидности, когда средства существования обеспечивают чувство удовлетворенности жизнью на данный момент.

– *Юноша сообщает, что был счастлив на вчерашней вечеринке, где удалось максимально «расслабиться». Педагог вчера вечером тоже был счастлив, когда тихо пристроился в мягком кресле и сладко отдыхал под музыку.*

И здесь счастье единой разновидности, агентом удовлетворенности выступает ощущение органического комфорта, возраст лишь изменил форму комфорта для молодого тела и для тела пожилого человека.

«Я ем пирог» – «я угощаю пирогом» – «я пеку пироги» – «я преподношу испеченный пирог юбиляру» – «я кормлю голодных испеченным мною пирогом». Агент счастья – «пирог». Но какие разительные изменения происходят, как только меняется социально-психологическая ситуация воздействия данного агента! Они позволяют говорить об уровнеом проживании счастья: чем значимее социально-психологическая ситуация воздействия феликсологического агента, тем сильнее и длительнее счастливое проживание. Пирог, в конце концов, съедается, а платье изнашивается, и к мосту через реку привыкаешь, – дерево же, посаженное тобою, ежегодно, ежесезонно, еженедельно дает тебе новые проживанияа счастья своей разворачивающейся жизнью; и ребенок, возвращенный тобою, становится вечным для тебя агентом счастья. Правда, при одном условии: эти агенты должны быть наполнены ценностным содержанием, чтобы стать факторами счастья.

Любой предмет действительности может играть роль агента счастья, а значит, стать фактором счастья, если человек способен увидеть в предмете ценностное содержание.

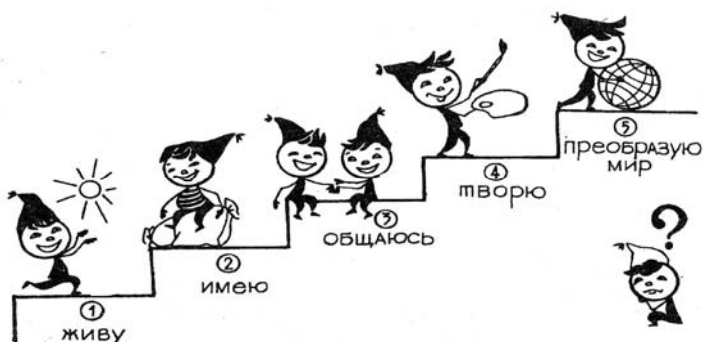
Если такой возможностью человек не обладает, ему придется удовольствоваться примитивной подменой счастья -- отсутствием несчастья. Случай достаточно распространенный. Об этом свидетельствует привычный эпизод: «Как живешь?» – встречает человек вопросом приятеля. И, если слышит в ответ «хорошо», теряет интерес к развертыванию оценки, потому что знает, что сейчас пойдет разговор о работе, о семье, об успехах детей, о здоровье, об отдыхе... Довольно однообразная для вопрошателя картина: ведь он не умеет извлекать ценностное содержание из повседневной обыденности. Тогда не позволительно ли предположить, что мы жаждали и надеялись узнать о несчастье человека, спрашивая, как он живет?! Потому что в случае отсутствия счастья успокаивает частично несчастье других людей?

Рискуя огрубить тонкую проблему счастья, предложим ввести понятие «уровня счастья», сопряженное с понятием «разновидность счастья». Основанием для такого смелого шага станет для нас колоссальный фактический материал исторического, публицистического, мемуарного, художественного, автобиографического плана, а также факты повседневной жизни, которые свидетельствуют о том, что острота и длительность состояния счастья напрямую обусловлена именно факторами счастья.

Существует некая поступенчатость в постижении счастья жизни. Сначала то, что предоставляет природа, – «счастье бытия», когда проживание счастья почти не ощущается, за исключением редких ситуаций (например, человек выздоравливает после тяжелой болезни, или наступили теплые дни после морозов и метелей); и «счастье бытования», «счастье витальных удовлетворенных потребностей» (например, голодный становится сытым, раздетый приобретает одежду, не имеющий жилища обустраивается в новом доме), когда очень быстро вырастают новые потребности и улетучивается краткий миг счастья. Потом развивается потребность в другом человеке (родные, знакомые, приятели, товарищи, друзья, любимые) – «счастье общения», которое острее переживается и длится дольше (вечная дружба, любовь до гроба, единение родственных душ), но уже не всех посещающее и не всем доступное. На этой ступени счастья стоит homo moralis. Затем деятельного и созидательного человека ожидает «счастье творчества», когда он как

homo faber порождает усилиями своего тела и души то, чего на земле не существовало, испытывая глубокое и неизменяемое удовлетворение своей жизнью на земле. Наконец, человек как субъект собственной жизни и обстоятельств окружающей жизни может восходить на ступень «счастья преобразования», когда испытывает удовлетворение им же созданной жизнью и тем, что реализовал смысл своей жизни. На этой ступени людей не так много, но, тем не менее, почти все побывали хотя бы эпизодически на таком взлете своей души.

Условно и метафорически представим такое восхождение человека к счастью и проживанию всех его разновидностей следующим рисунком:

«Счастье бытия» – слабо осознанное, мало ценимое людьми, так как оно присуще всем и воспринимается как само собой разумеющееся состояние, изначально данное человеку природой свойство жить: есть, спать, отдыхать, выполнять жизненные функции. Обыденное человеческое существование определяет «счастье бытия». Сама жизнь настолько ценна, что спокойное проживание без горестных событий может восприниматься как счастье. Как правило, человек лишь в зрелые годы начинает понимать и ценить счастье от ощущения гармонии бытия, от красоты жизни и природы, физического здоровья.

Л.Н. Толстой в письме к Фету так описывал эту разновидность счастья: «Теперь лето – и прелестное лето, и я, как обыкновен-

но, ошалевая от радости плотской жизни... Я радуюсь жизни и больше почти ничего не делаю...»⁵.

«Счастье бытия» играет особую роль в процессе «привязывания» человека к жизни. Любить жизнь мы начинаем с этой первой ступени. Ее миновать нельзя: она базовая, фундаментальная, потому что проживание счастья жизни здесь целостное, органическое, острое и всестороннее. Если удастся развить в ребенке такого рода счастливое ощущение жизни, можно считать, что педагог предопределил дальнейшее духовное становление личности.

Приглашаем вас еще раз прочитать страницы чудесной повести Р.Брэдбери «Вино из одуванчиков»:

...Вот что неожиданно пришло к нему, и теперь останется с ним, и уже никогда его не покинет.

-- Я ЖИВОЙ, – подумал он...

Шептались травы. Он опустил руку и ощутил их пушистые ножны. И где-то далеко, в теннисных туфлях, шевельнул пальцами. В ушах, как в раковинах, вздыхал ветер. Многоцветный мир переливался в зрачках, точно пестрые картинки в хрустальном шаре. Лесистые холмы были усеяны цветами, будто осколками солнца...Тело жадно дышало миллионами пор.

-- Я, и правда, живой, -- думал Дуглас. -- Прежде я этого не знал, а может, и знал, да не помню...

Обратимся к конкретным детям конкретной школы. Рассмотрим веер самых разных представлений школьников о счастье. Размышляют ученики педагога Ольги Владимировны Федоскиной⁶ на тему «Как я хочу прожить жизнь, чтобы быть счастливым»:

- ... Для меня жить счастливо – это иметь много друзей, чтобы меня уважали, чтобы им было интересно и приятно со мной общаться (Путилова Юлия).

- ... Кто-то хочет быть богатым, а кто-то счастливым...Я хочу помогать людям общаться друг с другом. Хочу, чтобы на свете бы-

⁵ Из книги Р.Роллана «Жизнь великих людей». -- М., 1993, с.319.

⁶ Боровская средняя общеобразовательная школа №1, Тюменская область, педагог Федоскина Ольга Владимировна.

ло поменьше зла. Мечтаю быть переводчиком...(Латфуилина Наташа).

- ... Я хочу рассказать, как проживу жизнь счастливо. Для этого мне нужно иметь много друзей, быть добрым и иметь хорошую работу... (Казанцев Максим).

Листая страницы множества незатейливых детских сочинений, нельзя не заметить поразительного единообразия широчайшего многообразия. Непохожесть мнимая, иллюзорная. Разнообразны лишь формы проживания счастья. Единство же – в содержании проживаемого: дети сообщают об одних и тех же разновидностях счастья. Более того, у нас есть возможность пронаблюдать динамику представления о счастье одного из этих юных мыслителей: открываем стихи Оксаны Петренко, написанные во втором классе (педагог сохранил их), они называются «Хорошо на свете жить»:

*В классе есть у нас мальчишка, Но однажды, но однажды
Любит весело дурить Он принес лягушку в класс
И при этом говорить: И сказал лягушке: «Раз!»
«Хорошо на свете жить».*

И лягушка с громким криком

*Прыгнула через кольцо.
И о парту - плюх-плюх-плюх,
И в компот Сережке - бух.
А Сережка испугался,
От компота отказался,
Это просто же лягушка –
Веселушка-хохотушка.
Хорошо на свете жить:
Можно с другом пошалить.⁷*

А вот что думает о счастье уже подросший автор этого стихотворения:

⁷ Петренко Оксана, ученица средней школы №1, пос.Боровский Тюменской области.

...Я хочу каждый день радоваться яркому солнцу, зеленой травке, каждой птичке и букашке...Я хочу видеть, как распускается цветок, как набухают почки, не хочу пропустить ни одной минуты, да что там минуты – ни одной секунды... (Петренко Оксана, 9 класс).

Не имеет значения художественный слог. Здесь игра творческих сил маленькой девочки и сам момент игры есть момент проживания счастья; общение с друзьями, приятельские взаимоотношения с существом природным, свободная деятельность, выступающая за рамки общепринятого, а главное – выдумка, созидательность, хотя и в виде шалости; шалость в данном случае – проба творчества, проба свободного выявления своего «Я». Ранняя юность не аннулировала данные агенты счастья – они остались теми же, лишь переместилось их иерархическое место, и в юности более значимым оказывается другой агент счастья. Их обобщенный вариант – это и есть факторы счастья. Единые для всех людей и для всего человечества, несмотря на бесконечные вариации форм их выражения.

Суть проблемы способности быть счастливым – в переходе объективного **фактора счастья** в субъективный **агент** счастья или же смещении субъективного агента счастья в объективный фактор счастья. Теперь раскрывается тайна многоликости счастья. Счастлив субъект-один, отправляясь на свидание. Счастье проживает субъект-два, угощая гостей пирогами. Субъект-три светится счастьем от нового наряда. Субъект-четыре поет от счастья, собирая урожай. А субъект-пять наполняется счастьем при восприятии звездного неба. Здесь нет «высокого» и «низкого» счастья. Здесь счастье в его разновидности. Здесь разные субъекты, для которых разные агенты мира выступают факторами острого эмоционально проживания удовлетворенности жизнью на земле.

Пустота ценностного пространства, а вернее, узость ценностного социально-психологического пространства, конечно, уменьшает возможность такого перехода, иногда просто исключает реализацию потенциального. Поэтому при одинаковых природно-социальных и материальных условиях люди обретают разную меру способности проживать счастье, а значит, быть счастливыми. Один при виде распускающихся цветов (агент субъективный!) уже счастлив, воспринимая этот момент как расцвет жизни (объективный

фактор!). Другой при воспоминании о трудовом дне (субъективный фактор!) уже несчастлив, так как не видит смысла в своей профессиональной работе (отсутствует объективный фактор!).

Когда психологи говорят о смещении мотива на цель, то они раскрывают для нашего феликсологического вопроса психологический механизм зарождения счастья (либо несчастья).

Более того, если для человека значима вся палитра факторов счастья (он остро ощущает радость жизни, ему доставляют наслаждение материальные блага, он высоко ценит общение с Другим, у него есть захватывающая, интересная работа и, наконец, его присутствие в жизни содействует улучшению жизни в каком-то микросоциуме), если все это присутствует в жизни человека, то говорят о так называемом «полном» счастье. Понятием «полное счастье» правомерно пользуются люди в обыденной жизни. Они говорят: «Чего тебе не хватает для полного счастья?» И поясняют таким образом: «Ты здоров, молод, полон сил; у тебя есть семья, любимая жена, хорошая работа, вы живете в материальном достатке, у вас красивый дом...?» Исчерпав все виды своего представления о счастье, недоуменно замолкает обвинитель. Но он забыл о высокой степени проживания счастья – о творчестве и участии в преобразовании жизни. Вот чего не хватает «несчастливому». До «полного счастья».

Существует возможность «компенсации»: отсутствие одного из факторов не зачеркивает счастья жизни, потому что другой фактор в увеличенной мере может компенсировать нечто отсутствующее в жизни человека. Так, одинокая старость находит приют для счастья в общении с природой; инвалид обретает счастье в творческой работе; бездетная супружеская пара создает «семейный дом», посвятив себя воспитанию сирот.

Производя выбор, человек ориентируется на счастье высшего порядка, отдавая предпочтение наивысшим разновидностям счастья, как он их себе представляет

В определенной социальной группе такого рода предпочтения традиционны, поэтому сознание не фиксирует характеристик производимого выбора, квалифицируя его как единственно возможный и естественный. Лишь в столкновении представителей

разных социальных групп резко выявляется предпочтительность разного порядка агентов счастья. Хотя еще раз подчеркнем: здесь трудно говорить о предпочтительности той или другой разновидности. Правильнее было бы вести речь о соотношении природы и культуры, прирожденного и приобретенного, персонального и социального. Отдавать приоритет «счастью бытия», или «счастью любви», или «счастью творчества» бессмысленно, ибо разновидности счастья в своей совокупности – залог гармонии с миром. Индивидуальность в своем возрастном, половом, характерологическом, профессиональном, интеллектуальном, образовательном отличии выстраивает в своей личностной структуре, называемой духовным миром, свой вариант иерархии факторов счастья. Потому и столь прочны индивидуальные различия духовного плана, ибо они имеют основанием феликсологический выбор.

Ступени счастья условны, метафоричны. Зато такая картинка позволяет понять процесс потери счастья до его обретения. Суэта, мелочные заботы, предметы и вещи, маленькие конкретные неприятности отвлекают человека от самой жизни. То он на грядках все лето провел, то всю зиму потреблял выращенные летние заготовки, то ссорился из-за опоздания приятеля, то приходил в отчаяние от пятна на костюме – и не заметил, как сам себя освободил от счастья жизни, ибо жить было некогда. В боязни потерять мелкую радость предмета он не производил усилий высшего порядка и утерять способность проживать счастье.

Скупой – это прикованный к вещам и освобожденный от счастья.

Щедрый – освобожденный от пут вещей, но наделенный счастьем.

Во избежание таких неожиданных превращений судьбы человеку надобно осознавать желаемое, предопределяя неизбежность индивидуального исхода счастья. В стихотворной форме Н.В. Толбатова⁸, высказала это. Приведем фрагмент ее стихотворного размышления:

⁸ Толбатова Н.В., педагог школы поселка Шаталово Смоленской области.

*Желаем счастья, но ведь это сложно.
И пожелать его, конечно, можно,
Но узнавать придется все равно
Мне самому – оно иль не оно?*

Теперь, когда облик счастья очерчен и выделены виды счастья и указаны факторы счастья, можно, наконец, уделить внимание вопросу «счастье и деньги». В размышлениях человека о жизни вообще этот вопрос занимает центральное место, по крайней мере, в период взросления личности и выхода ее на путь самостоятельной автономной жизни. Это понятно, потому что, выйдя из родительской семьи, человек вынужден самостоятельно искать способ материального обеспечения своего существования.

Если позволить себе оттолкнуться от полярно противоположного счастью понятия, такого, как «горе» или «несчастье», – что и делают многие в обыденной практике, полагая, что отсутствие горя заменяет присутствие счастья, – то определение «горя» как некоторой потери чего-то дорогого и значимого выводит нас прямым порядком на примитивное определение счастья как обретение чего-то дорогого и значимого: «Вот счастье-то, теперь у него это есть!», или «Счастливцев, ему всегда дарят подарки!», или «Какое счастье – нашел на дороге!»

Таким образом, рождается примитивное представление о «счастье» как «обладании»: человек счастлив, когда у него что-то есть. Невольно вспоминается великий Гераклит, заявивший, что быка, зашедшего на огород с бобами, следует считать, в таком случае, счастливым, коль скоро на огороде он обретает много наслаждения, телесного удовольствия.

Еще раз подчеркнем отличие содержания жизни от средства жизни. Прочтем внимательно следующее:

«За сутки лошади приходится сделать почти тринадцать тысяч щипков травы, пастись более девяти часов и непрерывно щипать траву, переходя от пастбища к пастбищу»,⁹ – фиксируют этологи, наблюдая за поведением лошадей в табуне. Огромные усилия, которые производит данное животное, – это содержание ее жизни, но одновре-

⁹ Баскин Л.М. Этология стадных животных. – М., 1986.

менно это есть средство ее существования, обязательное условие ее жизни. У животных содержание жизни есть добывание средств существования – нечто единое.

История и философия нас учат, но человек дурно пользуется уроками других. Однако вслушаемся в речь одного из наших соотечественников, человека умнейшего.

«Богачи из людей, которые добывают деньги, чтобы жить, превращаются в людей, которые живут, чтобы стеречь деньги, которых им некуда девать», – говорил историк и остролов, автор блестящих афористических изречений В.О. Ключевский.¹⁰

Как мы уже отмечали выше, цивилизация доставляет человечеству все больше и больше удобств, наслаждения, комфорта, удовольствия, радости. Количество же счастливых нисколько от такого обладания не увеличивается, и люди, жившие при свечах и ездившие на телегах, ничуть не менее были счастливы, чем сегодняшние пассажиры метро, автобусов и самолетов, а также владельцы роскошных автомобилей и вертолетов.

Деньги – средство существования, но не содержание жизни, а следовательно, условие счастья, агент счастья, но не само счастье.

Практическая реальность, на первый взгляд, противоречит сказанному: слишком много людей почитают наличие денег счастьем. Кое-кому даже кажется, что именно количество денежных средств прямо пропорционально количеству счастья. При таком понимании содержание жизни сводится неотвратимо к добыванию средств жизни, которых, в силу растущих потребностей, всегда будет недостаточно. Тот человек, которому удастся определить место денег в своей жизни как средства жизни – и не более того, -- тот не попадает в зависимость от денег (материальных благ) и потому, обретая свободу духовную, получает большую возможность

¹⁰ Ключевский Василий Осипович. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М., 1993, с.40.

проживать содержание жизни (отношения к миру во всех его проявлениях). Предпочтительность материального либо духовного легко прослеживается в поведении людей.

Вот господин при встрече с приятелем бросает оценивающий взгляд на стоимость костюма и внешнее материальное обрамление, в зависимости от произведенного впечатления выстраивая свои отношения.

А этот человек при встрече с приятелем направляет взгляд на лицо другого человека, свободно выстраивая общение с душой этого человека, которая только и является предметом его интереса.

Вот мать малыша при его падении в лужу невольно направляет свое внимание на испачканную одежду и «забывает» позаботиться о состоянии малыша, усугубляя его плохое состояние своей бранью.

А другая в такой же ситуации озабочена, не больно ли малышу, не простудится ли он в мокрой одежде, «забывая» про состояние одежды на данный момент.

Наше свободное поведение психологически вовсе не свободно. Ценностные предпочтения, выстраиваясь в ценностную иерархию личностной структуры, правят нашим поведением и руководят действиями. Стоит деньгам подняться на пик ценностной лестницы, как мы становимся рабами средств существования, содержательные отношения отбрасываются сначала на время, потом – навсегда.

И все-таки, несмотря на убедительность жизненных фактов, подтверждающих пагубность смещения средств существования на роль содержания жизни, существует расхожее мнение, что деньги определяют наше счастье.

Еще одним контраргументом против такого распространенного мнения является анализ состояния душ людей и анализ суетливой жизни, наполненной заботой о сохранности и прибавлении денежной массы. Если кто станет нам возражать, то предложим им наблюдение: много ли счастливых людей на земле? Их так же мало среди бедных, как и среди богатых, потому что проблему решают не деньги, а *способность* быть счастливым.

Приведем показательный эпизод из жизни Сезанна, художника великого и нищего:

*Музыкант Кабанер в восторге от «Отдыхающих купальщиц» Сезанна. Тот, нищий, дарит тут же полотно: «счастлив» при мысли, что оно в руках того, кто «оценил и полюбил его».*¹¹

Никак не комментируя факт, лишь выделим два понятия: «нищий» – «счастливый». И тут же воспроизведем картинку сегодняшнего дня:

Водитель богатого автомобиля иностранной марки жалуется пассажиру, посаженному на дороге: «Гадкая жизнь... Хоть сейчас бы умер... Днем зарабатываешь, вечером напьешься... Что хорошего в этой жизни?!»...

Альтернативная диада понятий предстала перед нами: «богатый» – «несчастливый».

Счастье возникает от мысли, от воспоминания, от наблюдения, от встречи, от действия, поступка... – то есть, от любого вида духовной активности. Способности духовного плана обуславливают способность быть счастливым. При наличии богатейших средств и агентов счастья можно остаться несчастным. При скромных средствах люди проживают высокое счастье.

Мы выходим на необычное понятие, выраженное психолого-педагогическим словосочетанием. О способности к счастью мы не говорили в прошлые десятилетия педагогики – о *способности быть счастливым* вынуждены говорить в начале двадцать первого века, выдвигая идею гуманизма. Вопреки духовному распаду общества, протекающему на наших глазах.

Но... прежде еще одно отступление.

¹¹ Перрюшо Анри. Сезанн. -- Киев, 1994, с. 194.